

Сватанье (1846—1848)

Глібов Леонід Іванович

I

Не в шумном Петербурге, не в пышном Париже, не на очаровательно-живописных берегах Италии, а в мирном отдаленном уголке нашей прекрасной Малороссии происходило это маленькое предлагаемое мною приключение. Да и чего у нас нет в Малороссии! Если вы любите живописные картины природы — у нас их есть много. Нашу Малороссию можно смело назвать русскою Италиею. Если вы жаждете чего-нибудь романтического — и этого у нас много. Если вам нравится жизнь серьезная, солидная — о, этого у нас еще более... Всмотритесь в лицо любого малороссиянина: вы в нем найдете что-то такое гордое и вместе с тем что-то солидно умное. Если вы, например, встретите малороссиянина в какой-нибудь праздничный день, одетого в черную суконную свиту, подпоясанного червонным поясом, с высокою на голове шапкою из серых смушков и с красною суконною верхушкою, он будет приветствовать вас как-то иначе: с какою-то особенною, свойственною одному только малороссиянину гордостью, если это можно назвать гордостью, он дотронется рукою к верхушке своей шапки, скажет вам сквозь зубы свое обычное «добрыдень», да и все тут. Но обратимся к главному герою нашего рассказа.

Онуфрий Парамонович Кудкудаченко был человек каких мало — молодец в своем роде. Он любил, чтоб о нем говорили в свете. Здесь я разумею не тот большой свет, который составляют люди высшего общества, но свет миниатюрный, собственно провинциальный, который состоял только из нескольких домов того окологда, где жил Онуфрий Парамонович... Сила этого самолюбия побудила нашего героя отважиться на подвиг, который я теперь передаю вам, подвиг, действительно замечательный в его жизни.

Вот как это было.

II

Однажды собрались к Онуфрию Парамоновичу друзья его — Петр Семенович Стовбун, Орест Харитонович Чебрец и Савва Нилович Бурьян. Осушивши по несколько стаканов пунша, они завели разговор о приятностях и выгодах супружеской жизни.

— Знаешь ли что, Онуфрий Парамонович,— заговорил в свою очередь Петр Семенович Стовбун,— знаешь ли ты, что я хочу тебе сказать?

— Не знаю, любезнейший Петр Семенович, право, не знаю.

— Станный ты человек, Онуфрий Парамонович,— говорил Петр Семенович, качая головой,— право, странный; ведь правда, Онуфрий Парамонович, что ты странный?

— Быть может, и странный,— отвечал Онуфрий Парамонович, вздвигнув плечами.

— А знаешь ли ты,— сказал Петр Семенович, обращаясь к Оресту Харитоновичу, который доканчивал в это время недопитый им стакан пунша,— знаешь ли ты, то есть, понимаешь ли

ты, догадываешься ли ты, что я этим хочу сказать?

— Нет, не могу догадаться, что ты хочешь этим сказать,— отвечал Орест Харитонович, доставая ложечкой оставшийся на дне стакана сахар.

— Вот то-то и есть, что вы оба не знаете, что я хочу сказать этим,— говорил Петр Семенович, щелкая языком.

— Да рассуди же ты,— обозвался Савва Нилович Бурьян,— рассуди ты здравым умом своим: может ли знать один человек то, что думает другой?..

— Я хочу сказать тебе, Онуфрий Парамонович,— продолжал Петр Семенович,— я хочу сказать тебе, чтобы ты женился.

— Чтобы женился,— протяжно произнес Онуфрий Парамонович.

— Да, чтобы женился,— подтвердил Петр Семенович.

— Но на ком же? — спросил Онуфрий Парамонович, устремив вопросительный взгляд на Петра Семеновича.

— На ком же... гм, уж я знаю на ком... я знаю одну молоденькую вдовушку, которая с охотой отдастся тебе в вечное и потомственное владение, как говорится деловым языком.

— Но кто же эта молоденькая вдовушка?..— спросил с таинственной улыбкой Онуфрий Парамонович.

— Да разве же ты не знаешь ее?.. Это Акулина Власьевна, что живет в Зайцевом.

— А...— произнесли все в один голос,— а оно и в самом деле хорошо было бы...

— Но... она не пойдет за меня,— вздыхая, отвечал Онуфрий Парамонович.

— Да что ты толкуешь— не пойдет, поверь мне — пойдет, с охотой пойдет... А знаешь ли что, Онуфрий Парамонович?

— А что, Петр Семенович?

— А вот что,— сказал Петр Семенович, прищелкивая пальцами,— едем сейчас же в Зайцево.

— А действительно справедливо,— повторили прочие,— и действительно едем, Онуфрий Парамонович...

— Едем, черт возьми! — отчаянно произнес Онуфрий Парамонович.— Едем... двум смертям не бывать, одной не миновать.

Онуфрий Парамонович и друзья его засуетились, приготавливаясь к отъезду. Более всех хлопотал герой наш. Он беспрестанно давал приказания своему кучеру...

— Ефремка! — кричал он.

— Чого? — откликнулся Ефремка с малороссийским хладнокровием.

— Дурак! Разве ты не можешь сказать: чего изволите, а не чого... мужик ты этакой... Я говорю,

чтоб ты оделся в новый армяк, а на лошадей надел сбрую не ту, что я всегда езжу, но ту, которая поновее... Слышишь?

— Чую,— отвечал Ефремка.

— Дурак, опять-таки свое! Разве ты не можешь сказать — слушаюсь?..

Так толковался Онуфрий Парамонович, приготавливаясь к отъезду.

III

Через час лошади были готовы. Орест Харитонович и Савва Нилович отправились в особом экипаже, а Петр Семенович сел с Онуфрием Парамоновичем. Солнце было уже на закате, и холодный сентябрьский ветер начал слегка подувать с востока, когда герои нашего рассказа двинулись в путь. Проехавши версты четыре, Онуфрий Парамонович и Петр Семенович заехали к одному соседу. Здесь Онуфрий Парамонович встретил первую путевую неприятность — собака, лежавшая на крыльце, бросилась на него и разорвала полу у шинели. Онуфрий Парамонович бранил своего соседа, бранил его собаку и успокоился не прежде, как зашили ему полу. Просидевши у соседа минут десять и выпивши рюмки три калинной настойки, герой наш отправился далее. Меж тем на дворе совершенно смерклось. Вскоре наступила огромная черная туча и так затмила собою свет, что не видно было даже дороги. Но Ефремка не унывал. Подкрепившись порядком у соседа, к которому заезжали, он посвистывал только, а лошади мчались неведь куда... Вскоре они сбились с дороги и очутились в каком-то болоте. Во все это время Онуфрий Парамонович немного вздремнул, но, когда Ефремка остановил лошадей в болоте, он проснулся и, не разобравши со сна, где находится, обратился к сидевшему с ним Петру Семеновичу.

— Ну, пойдём же, Петр Семенович, в комнату.

— В какую комнату, Онуфрий Парамонович? — сказал Петр Семенович, захохотавши во все горло.— Где тут у черта нашлась комната — мы в болоте...

— Как в болоте? — закричал удивленный Онуфрий Парамонович.

— Да так, в болоте, да и только.

— Ефремка! — грозно крикнул Онуфрий Парамонович.— По какому случаю мы заехали в болото?

— А я ж хіба знаю по якому,— сердито ворчал Ефремка.

— Ах ты, бузовир проклятый, да кто же должен знать, пугало ты этакое, а кто же должен знать?

И Онуфрий Парамонович принялся бранить Ефремку, который, не слушая угроз своего барина, возился возле лошадей. Меж тем дождь полил как из ведра. Онуфрий Парамонович принужден был обратиться к мужику, жившему недалеко возле этого болота, чтобы тот вывел их на настоящую дорогу.

IV

Выехавши, так сказать, на путь истинный, Ефремка снова погнал лошадей, несмотря ни на темноту ночи, ни на ухабы, от которых бричка беспрестанно подскакивала, переваливаясь то

на одну, то на другую сторону.

— Ты, йолопе, опять, опять,— кричал Онуфрий Парамонович,— ты помалу, опрокинешь еще, пентюх ты этакий!

Но Ефремка, уверяя, что этого никогда не может случиться, что он прекрасно знает дорогу, что он, как начал ездить, не опрокидывал еще ни разу, беспрестанно стегал кнутом по лошадям... Вдруг бричка подскочила, наскочила на кочку и опрокинулась. Онуфрий Парамонович, как мешок, покотился в грязь, Петр Семенович — тоже.

— Вот видишь, каналья! — обозвался где-то Онуфрий Парамонович.— Видишь, каналья... Не говорил ли я тебе: легче, Ефремка, легче, дуралей ты этакий...

— Что ж ты мне скажешь теперь, кунделяка ты скаженный, а, что ты мне скажешь?..

— Ну, що ж я вам скажу? Нічого! — с боязнью отвечал Ефремка.

— Вот я ж тебя...

И Онуфрий Парамонович принялся колотить Ефремку в спину.

— Ищи, каналья, бутыль с вишневкой. (Онуфрий Парамонович вез [в] подарок Акулине Власьевне полведра наливки).

И Ефремка тщательно принялся искать бутыль. Долго лазил он в грязи, наконец, нашел.

— Ну, что,— нетерпеливо спрашивал Онуфрий Парамонович,— нашел?

— Та найшов,— с досадой отвечал Ефремка.

— Что ж, цела или нет?

— Та вона ціла, тільки з боку дірка пробилась.

— Что ж ты мне теперь скажешь, а, что ты мне скажешь?

И Онуфрий Парамонович снова принялся колотить Ефремку, приговаривая:

— Вот тебе... каналья... вот тебе... вот тебе... ослушник ты этакой!..

— Да полно тебе, Онуфрий Парамонович! — обозвался, наконец, Петр Семенович.— Что ж будешь делать, ведь не воротишь, следовательно, чего тут горячиться?

— Как мне не горячиться, Петр Семенович? — задыхаясь, отвечал Онуфрий Парамонович.— Как я явлюсь теперь? Ведь я весь, как черт, запачкан в грязь!

— Ну, это еще не велика беда,— говорил Петр Семенович, обчищая грязь с рук своих.

— Помилуй, Петр Семенович! — говорил опять Онуфрий Парамонович.— Помилуй, как не велика... Ведь ты знаешь, что я ни в чем еще не ударил лицом в грязь, как говорит пословица, а тут — просто ударил!

И они оба расхохотались.

— Да садись, Онуфрий Парамонович, поедем,— сказал, наконец, Петр Семенович.— Здесь недалеко есть трактир, там ты умоешься и обчистишься.

V

Наконец Онуфрий Парамонович уселся как-то, и они поехали. Через несколько минут бричка остановилась возле маленькой избушки. Там Онуфрий Парамонович и Петр Семенович застали двух приятелей своих, поехавших вперед — Ореста Харитоновича и Савву Ниловича. Они сидели за маленьким столиком, на котором пыхтел довольно солидный самовар, и разговаривали о чем-то с стоявшим перед ними евреем. Как вдруг Онуфрий Парамонович и Петр Семенович вошли в комнату.

— Здравствуй, жид! — крикнул герой наш, остановясь у порога.— Что? На кого больше похож теперь — на пана или на черта? А?.. Говори смело, я люблю правду матку! Ну, на кого похож?..

— Здаеця, билсе на цорта, ваше благородие! — с боязливой улыбкой сказал еврей.

— Молодец, молодец! Это правда, что я теперь на чёрта похож,— говорил Онуфрий Парамонович, протирая глаза.— Ну, дай же мне, голубчик, я умоюсь немножко, а ты меж тем принеси нам водочки... А хороша у тебя водка?

— Славная, цистая, как зуравлыне око... Сколько прикажете? — спросил еврей.

— Четвотчку, четвотчку, любезный.

— Что это с тобою, Онуфрий Парамонович? — спрашивали друзья его.

— Да неприятности маленькие, черт возьми!

И Онуфрий Парамонович рассказал им подробно о случившемся.

Умывшись и обчистившись немного, Онуфрий Парамонович принялся, наконец, с приятелями своими за водку и чай.

— Ну, черт возьми,— говорил он,— эти маленькие неприятности, признаюсь, потревожили меня... Я боюсь, господа, чтобы в Зайцевом не поднесли мне гарбуза... Это будет уже неприятность за все неприятности!

— Пустяки, братец,— говорил Петр Семенович,— право, пустяки городишь... Пойдет, да еще как пойдет — просто, как говорится, с руками и ногами!

— А далеко еще до Зайцева? — спросил Онуфрий Парамонович у стоявшего сзади еврея.

— Семь верст,— отвечал еврей.

— Ну, господа, едем.

И Онуфрий Парамонович встал, чтобы дать приказание Ефремке подавать лошадей. Подходя к двери, он увидел что-то белое на полу и наклонился, чтобы поднять.

— Вот кто-то бросил салфетку,— говорил Онуфрий Парамонович, стараясь поднять. Но едва только он взял в руки, как вдруг закричал:

— Ай, ай! Батюшки мои!

Собачка, которую он поднял вместо салфетки, укусила его за палец.

— Ах, черт возьми!— говорил Онуфрий Парамонович, дую в раненый палец.— Как же это мне изменило зрение?

Меж тем ему обвязали кое-как раненый палец и собрались ехать.

— Ну, прощай, любезный! — говорил Онуфрий Парамонович еврею, выходя из хаты.— Чтобы тебе пропала эта проклятая собачонка... Признаюсь, я не ожидал от нее таких неприятностей.

VI

Когда герои нашего рассказа вышли на двор, небо совершенно очистилось. Звезды заблистали и полный месяц торжественно освещал ближнюю долину, посредине которой светлую полосу извивалась речка. У самой этой речки между двумя лесами синело село Зайцево. Наконец Онуфрий Парамонович уселся — и бричка тронулась в путь.

— Смотри ж ты мне,— говорил он Ефремке,— опрокинь только еще раз, так уж я тебя, каналью, знаешь как?!

Через полчаса въехали они в Зайцево и вскоре остановились у подъезда дома Акулины Власьевны. Они вошли в сени, где было совершенно темно; вдруг Онуфрий Парамонович закричал вполголоса:

— Ай, черт бы тебя побрал!

— Что там такое?— спросил Савва Нилович Бурьян.

— Да все маленькие неприятности, канальство: ударился лбом об угол шкафа,— кряхтя, отвечал Онуфрий Парамонович.

— Мужайся, Онуфрий Парамонович, мужайся,— шептал Орест Харитонович Чебрец.

Между прочим, Онуфрий Парамонович первый вошел в комнату. Акулина Власьевна, не замечая, по-видимому, вошедшего гостя, раскладывала гран-пасьянс.

— Доброго вечера, Акулина Власьевна,— раскланиваясь, говорил Онуфрий Парамонович.

— Ах, боже мой... Онуфрий Парамонович!..— заговорила тоненьким голосом Акулина Власьевна.— Как вы это так тихонько подъехали?.. Представьте себе, я так и думала, что к нам будут сегодня дорогие гости, потому что поутру над самую голову спустился такой огромный паук, что я даже испугалась.

После ужина в тот же вечер Онуфрий Парамонович имел тайный разговор с Акулиной Власьевной. В продолжение всего разговора заметна была какая-то робость со стороны Онуфрия Парамоновича, но что он тогда говорил, как говорил — того впоследствии он не мог пересказать.

Вскоре после описанного мною приключения в один праздничный день по главной улице села Зайцева тянулся длинный ряд экипажей, странный, как причуды старика, разнообразный, как

мечты шестнадцатилетней девушки. Там бы вы увидели большую высокую коляску, сущую колыбель провинциальной неги, сделанную по образцу Ноева ковчега, рессоры которой по причине своей бессильной старости уже опирались на деревянные подпорки, сделанные искусною рукою какого-нибудь знаменитого Панька, и много еще подобных редкостей, которых не найдете вы ни в Петербурге, ни в Париже, нигде. Более всех обращала на себя внимание лихая тройка вороных коней в нарядной с разными блестками сбруе, запряженная в щегольски отделанную бричку.

[1846-1848]

Постійна адреса: http://ukrlit.org/hlibov_leonid_ivanovych/svatanye